

Стереоскоп

«КАК ИРЛАНДЦЫ, ПИТАЮТСЯ ОДНИМ КАРТОФЕЛЕМ»: СИБИРЬ 1890 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ОБРАЗОВ

Фёдор Сергеевич Корандей,

кандидат исторических наук,

старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков

Тюменского государственного университета

E-mail: brecht_1@mail.ru

Статья посвящена характеристике Сибири при помощи сравнения с Ирландией, бытовавшей среди интеллектуальной элиты конца XIX в. Эта критическая политическая метафора приобрела особое значение в ходе общественной дискуссии, развернувшейся после публикации Дж. Кеннаном материалов о «сибирских жестокостях» царского правительства («Карийская трагедия» 1888-1889 г. и т.д.). В статье анализируются нарративные стратегии и идеология «тюрьмоведческих» сочинений Дж. Кеннана, Г. де Уиндта и А.П. Чехова.

Ключевые слова: историческая география; образная география; постколониальные исследования; Сибирь; Ирландия; ссылка и каторга; Джордж Кеннан; Гарри де Уиндт; Антон Чехов

УДК 94+911.7(571.1/.5+417)"1890"

19 мая 1890 г. лидер британских либералов Уильям Гладстон, посетив Норфолк и выступая перед членами местных либеральных ассоциаций, обратился к внешнеполитическому курсу Великобритании. Он, в частности, сравнил сибирские «жестокости» (*atrocities*) царского правительства (прежде всего, экзекуцию политкаторжанки Н.К. Сигиды и самоубийство её товарищей на Карийской каторге в 1889 г.) с «Митчелстаунским делом» (*Mitchellstown affair*) 1887 г., когда в результате столкновений с полицией в графстве Корк погибло несколько манифестантов [Mr. Gladstone's... 1890].

С точки зрения историка, этот факт – замечательная возможность продемонстрировать на единственном примере позицию позднего Гладстона (либералов, а заодно и их противников [Ireland... 1890]) по двум важнейшим вопросам всей его политической карьеры: внутривнутриполитическому (отношениям Британской Империи с Ирландией), и внешнеполитическому (отношениям с Российской Империей). На следующем уровне обобщения – в традиционной историографической логике – эти высказывания помещаются в контекст всей критической кампании, которой правящие круги Российской Империи подверглись на рубеже 1880-1890-х гг. после того, как вести о сибирских тюремных трагедиях стали достоянием гласности в США и Европе [см. Ешкилев 1995; Тивоненко 1999].

Выступая с позиций *гуманитарной географии*, мы можем оставить в стороне особенности конкретной политической кампании и использовать данный факт как повод обратиться к другой задаче. Зададимся вопросом: на каких основаниях *географические образы* весьма отдалённых друг от друга территорий (Ирландии и Сибири) могли вступать во взаимные от-

ношения? Какие характерные сочетания они образовывали в текстах эпохи, и какое общее пространство – при условии всякий раз допуская взаимного тождества – описывали эти топонимы?

Сколько-нибудь продолжительное чтение текстов, посвященных описанию той или иной территории, запускает интуитивный механизм поиска «неочевидных связей между опубликованными фактами», охарактеризованный, например, в практике автора этой формулировки, Р. Рахматуллина, как «метафизическое краеведение» [Рахматуллин 2004: 388]. Описанное там же противоречие между «строго научным» и «эссеистическим» подходами в исследовании оказывается не обязательно столь строгим в случае, когда факты – сами географические образы, с которыми приходится работать – были порождением той же интуиции. Современный читатель, отмечающий в очередном тексте уже знакомые смысловые сочетания, и автор XIX века, подбирающий экзотическое название одного места в качестве характеристики представляющего перед ним другого, в сущности, вовлечены в один и тот же процесс – обретения или конструирования идентичности.

Долгое время, со времён Э. Реклю и П. Видаль де ла Блаша, *проблема географического описания* в исторической географии обсуждалась преимущественно с той же точки зрения, что и среди профессиональных географов, обращавшихся к ретроспективному исследованию территории. В таком духе – систематического описания возможных способов презентации «объективного» историко-географического знания, была написана обзорная статья Г.К. Дарби [Darby 1962], опубликованная в год, когда из состава Британской империи вышли Уганда, Ямайка и Тринидад и Тобаго.

На сегодняшний день постколониальные сюжеты занимают едва ли не центральное место в числе тем исторической географии, связанность дискуссионного пространства которой определяется родственными академическими практиками и методологиями англо-американской науки (хотя сюда, разумеется, на равных входят ирландская, или, скажем, канадская традиции). При этом постколониальные исследования практически невозможны без обращения к проблематике власти и познания, политизированного взаимного восприятия. Так, например, в фундаментальной книге «Современные исторические географии» указанным сюжетам отводится четыре главы из десяти: все они посвящены различным аспектам *политического процесса репрезентации географической реальности*. В этой парадигме процесс характеристики любой территории (или, скорее, *репрезентации географического образа*) не может быть представлен без описания особой «социальной оптики», присущей восприятию наблюдателя; его положения по отношению к предмету описания; и форм знания, инструментов, с помощью которых пространство присваивается или отторгается в данной культуре [Modern... 2000].

Даже в самых общих чертах, сорокалетняя история ирландского постколониального дискурса – слишком большая тема для этой статьи; а дискуссия о Сибири только начата [Bassin 2004; Between... 1993; Peopling... 2007; Ремнев 1997, 2004; Родигина 2006; Сибирь... 2007]. Между тем, задавшись целью описать специфику колониального состояния обеих территорий, мы сталкиваемся с одной и той же проблемой. Так, ирландский постколониализм, с самого начала пытавшийся приспособить для своих критических целей упрощенную оппозицию «колонизатор – колонизируемый», ощущал сопротивление материала [McCarthy 2007]. В действительности, как отмечал Дж. Лирссен, «колониальный опыт» Ирландии ближе опыту Польши, Канады или Сербии, нежели Ганы или Индии [Leerssen 1998: 164]. Замечания Т. Иглтона о том, что англичане никогда не могли окончательно определиться со статусом ирландцев в их картине мира, поскольку те не были чёрными и не жили в другом полушарии, воспроизводит ту же логику, что тезис о «внутренней колонизации» Российской империи, предложенный А. Эткингом [Eagleton 1999: 125-135; Эткинд 2002: 265-299]. Статус «образованных наблюдателей», уподоблявших Сибирь Ирландии, не был однозначным даже для них самих. Даже экс-премьер-министру Великобритании приходилось сомневаться в легитимности осуществляемой власти и прибегать к исповедальной риторике:

Я хочу знать, в каком положении окажется Британское правительство, если мы предстанем перед Царем с обвинениями по этому делу и получим в ответ сокрушительное: «Но как вы, за два года до этих сибирских событий открывшие в Ирландии огонь по своему собственному народу, стрелявшие даже не в арестантов, а в невинных людей, собравшихся вместе на совершенно законных основаниях, как вы осмеливаетесь теперь читать нам проповедь, поистине как фарисеи, и благодарить Бога, что не похожи на нас, несмотря на то, что между вашими делами и тем, в чем вы обвиняете нас, на деле очень много сходства?» (аплодисменты) [Mr. Gladstone's... 1890]*

М.Л. Прэтт охарактеризовала это своеобразное «двойное видение» интеллектуалов империалистической эпохи на примере литературы путешествий (*travel writing*) как антиконквеста (*anti-conquest*): «Термином <...> определяются стратегии репрезентации, с помощью которых европейский буржуазный субъект стремился сохранить свою невинность (*innocence*), одновременно с этим утверждая европейскую гегемонию. <...> Термин «антиконквест» был избран в связи с тем, что эти стратегии невинности были введены в литературу путешествий как новая ступень по сравнению с более ранней имперской риторикой завоевания и покорения (*conquest*)» [Pratt 1992: 7]. Стыдливые или совестливые герои антиконквеста – *наблюдатели*, выступая в качестве непосредственных агентов европейской экспансии, с необходимостью вовлекались в процессы взаимодействия (*транскультурации*). При этом они утрачивали (на секунду или навек) ощущение принадлежности к лагерю колонизаторов и отождествляли себя, полностью или частично, с предметом своего описания. Двойные, увязанные друг с другом географические образы, встречающиеся в сочинениях наблюдателей, оказываются важным инструментом этих *стратегий невинности*: с их помощью авторы описывали не только Другого, но и самого себя.

Особенно интересным в истории аналогии «Сибирь как Ирландия» нам представляется 1890 год. Собирая материал к истории этого сравнения, мы не могли избежать обобщений: чаще всего они касаются характеристик населения территории, а не её рельефа или природы. Иными словами, метафора здесь скорее этнографическая, нежели физико-географическая. Впрочем, такая дихотомия в данном случае вряд ли уместна — сибирско-ирландская аналогия всякий раз имеет своей целью характеристику культурного ландшафта, образованного взаимодействием людей и конкретного пространства; и чаще всего это характеристика *ландшафта страха, гиблого места, мрачного уголка земли*.

По-видимому, впервые подданные русского государя были охарактеризованы при помощи сравнения с ирландцами в 1568 г., накануне начала экспансии в Сибирь. Этот факт датирует момент возникновения единого дискурсивного пространства, в котором такие сопоставления были возможны. Джордж Тербервилль, секретарь английского посла при дворе Ивана Грозного, в письме одному из своих друзей уподобляет русских «диким ирландцам»: «Я мог бы с руссами сравнить ирландцев-дикарей, / Да трудно выбрать, кто из них свирепей и грубей» [Наклуэ 2006: 37; перевод Г. Кружкова].

XIX век был временем расцвета этой метафоры, и, прежде всего, её существование определялось сибирским материалом: сравнение допускалось множеством авторов. Этот корпус текстов вряд ли обнаруживает хронологическое или жанровое единство. Приведём пример каторжанина А.И. Одоевского, который, выполняя в конце 1820-х годов перевод из Томаса Мура, использовал образ поруганной ирландской свободы в качестве характеристики собственного несвободного состояния [Одоевский 1934]. На другой стороне – ирландский поэт Дж. Мэнгана, опубликовавший в 1846 г. мрачное стихотворение «Сибирь», которое было воспринято современниками как метафорическое описание Ирландии в эпоху Великого Голода [Mangan 1897: 332-333]. Строго говоря, их стихотворная перекличка относится к иному литературному контексту, нежели многочисленные сравнения, употреблявшиеся в описаниях путешествий.

* Здесь и далее источники цитируются в нашем переводе. – Ф.К.

Возможно, неявное единство здесь определяется только постколониальной интуицией. Однако И.И. Завалишин, характеризующий русских переселенцев в Сибирь как ирландцев, *перерожденных* (курсив наш. – Ф.К) переселением на «тучную и девственную почву северо-американских пустынь» [Завалишин 1862: 90] или Р. Райт, уподобляющий буйных студентов Томского университета из числа кавказцев «драчливым ирландцам» [Wright 1913: 29], описывают одну и ту же социальную реальность – периферию европейского цивилизованного мира. 1890 год интересен тем, что предоставляет возможность ощутить единство описанных текстов не только на интуитивном уровне.

В 1890 году английский писатель Дж. Конрад проплыл по реке Конго, собирая материал для создания будущего «канонического» описания ужасов колониализма в Африке – романа «Сердце Тьмы». Этот же год оказался важнейшим в истории осмысления «сибирского мифа», географического образа «гиблого места» – представления, существование которого было неоспоримо для участников дискуссии, развернувшейся на страницах нескольких известных книг.

В 1890 г. были предприняты два замечательных сибирских путешествия: 21 апреля из Москвы на Сахалин выехал тридцатилетний А.П. Чехов, уже известный драматург и писатель; а 21 июля из Лондона в Томск отправился тридцатичетырехлетний Г. де Уиндт (*H. de Windt, 1856-1933*), кембриджский выпускник, оставивший стезю колониального чиновника ради жизни профессионального путешественника, и годом ранее уже совершивший одно сибирское путешествие.

Образ жизни этих людей и личные мотивы предпринятых путешествий отличались, но было и общее – и тот, и другой как исследователи, намеревавшиеся собрать и систематизировать факты о малоизвестном метрополии пространстве, занятом преимущественно тюрьмами, выступали как *непосредственные агенты колонизации*. «Я <...> посетил сибирские тюрьмы <...> ради одних только фактов», – писал Г. де Уиндт в опубликованной в 1892 г. книге «Сибирь как она есть» [De Windt 1892: 260]. А.П. Чехов рассматривал написанный по итогам своего путешествия «Сахалин» (1893-1895), как «литературный источник и пособие для всех, занимающихся и интересующихся тюрьмоведением» [Чехов 1975: 266]. Политические их позиции и исследовательские тактики при этом были весьма различны, и в своих существенных аспектах – прямо противоположны. В данном случае, несомненно, существует возможность применения постколониального метода – немногочисленные сибирско-ирландские аналогии в книгах о Сибири интересны как «иллюстрация диалектических отношений, существовавших между отдельными текстами и коллективным представлением» метрополии о Сибири, вкладом в которое каждый из них являлся [Said 1979: 23-24].

Исследовательский пафос двух книг выражался и в стремлении сопоставить собранные факты и впечатления с образом Сибири, созданным сибирской одиссеей американского журналиста Дж. Кеннана – его нашумевшие журнальные очерки о путешествии 1885-1886 гг. в Восточную Сибирь и обратно как раз готовились к публикации в виде книги [Kennan 1891]. Дж. Кеннан, известный в начале 1880-х годов взглядами, весьма лояльными к сибирской политике царского правительства, получил по этой причине допуск на «задний двор Российской империи». Он оказался тем самым человеком, чье первоначальное мнение изменилось «под давлением массы свидетельств (*overwhelming mass of evidence*)» [Kennan 1891. Vol. 1: 3]. Наиболее широкий резонанс получила публикация Кеннаном писем о «Карийской трагедии» 1888-1889 гг. – самоубийств, инициированных резким ужесточением режима содержания политических ссыльных в Забайкалье. Сущность переворота, произошедшего в сознании Кеннана во время его сибирского путешествия, лучше всего описывает именно его риторика по «Карийскому вопросу». В ответ на письмо в редакцию, в котором оправдывалась жестокая экзекуция Н.К. Сигиды, и в частности, оспаривался тот факт, что она была «запорота до смерти (*flogging to death*)», Кеннан прибегал к ирландскому примеру:

Если бы младшая сестра г-на С.— М.—, утонченная, импульсивная и патриотичная ирландская девушка, была бы <...> сослана на двадцать лет каторги на Андаманские острова за то, что помогала поддерживать секретную типографию сторонников Гомруля в Белфасте; если бы, приведенная в отчаянье жестоким отношением к себе и своим товарищам, она бы двадцать с лишним дней голодала <...>, если бы её кормили насильно с помощью резиновой трубки; если бы, в нарушенном по причине пережитого голода и насилия умственном состоянии, она совершила бы преступление против тюремной дисциплины; если бы она была раздета <...> и высечена до потери сознания; и, наконец, если бы в агонии беспомощности, стыда и отчаяния, она покончила бы со своей собственной жизнью, я не думаю, что г-н С.— М.— посчитал бы за преувеличение мое утверждение о том, что она была «запорота до смерти». [Kennan 1891. Vol. 2: 272].

Именно иррациональная тяжесть наказания, возлагавшегося в Сибири на представителей образованного класса, более всего поразила американского журналиста и послужила поводом для перехода на позиции критики российского правительства. Так, Кеннан обращается к правилам полицейского надзора, не дававшим ссыльным возможности зарабатывать себе на хлеб, используя навыки образованного человека. Он описывает, как акмолинские ссыльные получили в ответ на своё ходатайство к генерал-губернатору совет наняться на копеечную работу к кочевым киргизам. Кеннан приводит такой комментарий: «это почти столь же жестоко и оскорбительно, как отправить выпускников университета Джонс Хопкинса, высланных без суда в горы Сьерра-Невады и нуждающихся в работе, ловить кузнечиков для индейцев» [Kennan 1891. Vol. 2: 41]. С какого-то момента путешествие с «научной целью» по тюрьмам Сибири [Kennan 1891. Vol. 1: 306] становится для Кеннана лишь прикрытием для тайного диалога с заброшенными в глушь представителями цивилизованного мира. Так, карийская ссыльная Н. Армфельд, в дом которой Кеннан приходит, на миг избавившись от опеки тюремного начальства, встречает его словами: «Я чувствую себя, как, должно быть, чувствовал себя Ливингстон, когда Стэнли нашёл его в Центральной Африке» [Kennan 1891. Vol. 2: 187].

Позиция Кеннана, который за короткое время прошёл путь от бесстрастного наблюдателя до отождествления с предметом своего наблюдения, закономерно подверглась критике. Книга Г. де Уиндта «Сибирь как она есть» представляла собой пример полемики, прямо санкционированной царским правительством (де Уиндт получил право осматривать любые объекты, какие желал, право встречаться и беседовать с политическими заключёнными, какого изначально не имел Кеннан, и т.д.).

Разоблачительный пафос, с которым английский путешественник приступал к описанию своего путешествия, был направлен против газетных сюжетов и образов, непосредственно восходящих к публикациям Кеннана:

Читателю это может показаться странным, но слово «Сибирь» в Англии звучит ужаснее, чем в России. Название это внушает большинству англичан мысли о тайне, жестокости и смерти, вызывает в воображении видения мрачных темниц и рудников, людей, умирающих под ударом кнута, и унижений, которые претерпевают от своих тюремщиков юные и невинные женщины [De Windt 1892: 258-259].

Среди политических, однако, редко встречаются милovidные. По большей части, все они относятся к типу «синих чулков», коротко стрижены, носят очки; так что, боюсь, что эти создания с грубыми чертами лица, если бы увидели их поближе, утратили бы в ваших глазах ту симпатию, которую Англия чувствует к «юным и прекрасным ссыльным» [De Windt 1892: 266].

Для Кеннана трагизм положения ссыльного с университетским образованием заключался в том, что места, определённые для его проживания под полицейским надзором, могут находиться в 5000 миль от Петербурга за Полярным кругом [Kennan 1891. Vol. 2: 33]. Для де Уиндта, напротив, статус населения был напрямую связан с его положением в пространстве:

Странные (strange) они, эти азиатские подданные Царя. Английский путешественник не без причины описывал их как «цивилизованных варваров». Культура, изящество и вежливость – неперемменные атрибуты каждого настоящего русского. Но пересеките Урал, и даже в самых высших кругах, вы найдете их противоположность... Сибиряки, как правило, невежественны и вульгарны. У них обыкновенно одна тема для разговора – деньги; два развлечения – карты и выпивка. Прекрасный пол интересуется их меньше. Никакие книги им неизвестны. Европейских газет они не видят и не хотят видеть. Заговорите с ними о Тройственном Союзе, и они спросят, сколько вы заплатили за свои ботинки» [De Windt 1892: 176].

Таким же образом Кеннан и де Уиндт обращались каждый к своей аудитории – либеральной и консервативной – в вопросе о «нигилистах». Термин, которым в европейской прессе обозначались участники общественных движений, выступавших с критикой русского режима, по мнению обоих путешественников был некорректен и требовал уточнения. В этом случае также происходило обращение к ирландскому примеру, близкому западной публике. Рассуждая о партиях, члены которых подвергались преследованиям со стороны царского правительства, де Уиндт прямо уподоблял их деятельность деятельности ирландских радикальных партий: «Когда мы слышим о массовых арестах нигилистов, и каждая газета в Англии переполняется статьями, с негодованием обличающими действия русского правительства, их авторы игнорируют тот факт, что то же самое почти каждый день случается в Ирландии» [De Windt 1892: 35-36]. Дж. Кеннан, анализируя сложный состав российского общественного движения, утверждал эту же мысль, но с обратных политических позиций:

Если американский журналист в дискуссии по ирландскому вопросу соберёт вместе таких людей как Патрик Форд, МакКарти, Финерти, Патрик Эган, Чарльз Парнелль, О'Донован Росса, Джон Морлей и убийцы из Феникс-Парка и назовёт их «Фениями», то он больше позабавит своих читателей, чем сообщит им нечто полезное; и всё же именно это происходит, когда некоторые английские и американские авторы объединяют всех российских политических преступников одним термином «нигилист». Писатели Короленко, Мачтет и Станюкович, критик Михайловский, политэкономы Лопатин и Чудновский, натуралисты Клеменц и Михаэлис, и многие другие – не бóльшие нигилисты, чем МакКарти, Морлей и Гладстон – фении [Kennan 1891: Vol. 2. p. 436].

Сама возможность подобного сравнения, предназначенного в первую очередь для англоязычного читателя, предполагала существование стереотипного представления о предрасположенности ирландцев к политическому насилию. Этот образ, по словам С. Хоува, с необходимостью возникал в сознании британцев во время любого конфликта или кровопролития в Ирландии [Howe 2005: 52]. В случае с ирландцами проблематика политической борьбы часто осмыслялась с точки зрения «национального» или даже «расового» вопроса (Необходимо помнить, что во второй половине XIX в. в англоязычном словоупотреблении эти термины были существенно ближе друг к другу по значению, нежели позже). При этом диапазон мнений простирался от негативного уподобления фениев «краснокожим индейцам» до сочувственного восприятия ирландцев как древнего европейского народа, вынужденного отстаивать самобытность своей культуры в борьбе с агрессором. Пример последней тенденции можно было наблюдать в российской либеральной печати: например, автор «Истории Ирландии», вышедшей на русском языке в 1907 г., писал:

Первым представляется вопрос о завоевании одним народом другого при условии, что этот последний стоит на культурном уровне более высоком, чем завоеватель, или же на том же самом. Тогда самое завоевание становится гораздо более трудным, а раз оно состоялось, завоевание представляется непрочным. Культурный народ с трудом мирится с потерей самостоятельности и потому стремится к возврату её. Эти обстоятельства влекут за собой обоюдное раздражение в силу затягивающейся борьбы и порождают национальную вражду, ведущую к мысли об истреблении покорённой народности или, по крайней мере, к уничтожению её духовного облика [Афанасьев 2006: 309].

Кажется, при уподоблении сосланных «нигилистов» ирландским националистам авторы подобных сочинений подразумевали не только схожие черты их революционной борьбы или тюремных биографий, но и особый статус этой «культурной» социальной группы по отношению к Империи.

Другим стереотипным представлением об Ирландии, отчасти оказывавшим влияние на сибирский дискурс, был образ ирландской бедности. А.П. Чехов упоминал Ирландию в своём сочинении единственный раз, описывая посёлок на Северном Сахалине:

Вопрос, на какие средства существует население Александровска, до сих пор остаётся для меня не вполне решённым. Допустим, что хозяева со своими жёнами и детьми, как ирландцы, питаются одним картофелем и что им хватает его на круглый год; но что едят те 241 поселенцев и 358 каторжных обоёго пола, которые проживают в избах в качестве сожителей, сожительниц, жильцов и работников? [Чехов 1976: 85-86].

Чехов, знавший сочинения Кеннана, и даже опасавшийся, не повлияет ли их нашумевшая известность на судьбу его собственной экспедиции [Чехов 1923: 69-70] получил, тем не менее, свободный пропуск во все тюрьмы и поселения – конечно, без права общения с политическими заключёнными [Чехов 1976: 64]. Автор книги о Сахалине, вероятно, должен был достаточно близко к сердцу принять известия о сибирских самоубийствах – в свои детские годы Н.К. Сигида и А.П. Чехов жили в Таганроге «бок о бок» друг с другом [Чехов 1964: 50]. Однако при общей лояльности писателя к режиму тон данного сочинения задавался особым гражданским пафосом, направленным на критику неэффективности действий колонизаторов и злоупотреблений, имевших место в ходе этого процесса. Этот пафос очевиден и в часто цитируемом месте из письма к А.С. Суворину от 9 марта 1890 г.:

Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный <...> Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку <...> Из книг, которые я прочёл и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря [sic! – Ф.К.], без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и всё это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы... [Чехов 1975: 32].

Главный «герой» сочинения Чехова – это неудача колонизации острова, а трагические судьбы обитателей Сахалина оказываются, с этой точки зрения, – прямым следствием нарушения экономической логики колонизации:

Тюрьма – антагонист колонии, и интересы обеих находятся в обратном отношении. Жизнь в общих камерах порабощает и с течением времени перерождает арестанта; инстинкты оседлого человека, домовитого хозяина, семьянина заглушаются в нем привычками стадной жизни, он теряет здоровье, старится, слабеет морально, и чем позже он покидает тюрьму, тем больше причин опасаться, что из него выйдет не деятельный, полезный член колонии, а лишь бремя для неё [Чехов 1976: 227-228].

Обратим внимание на эту, может быть, вынужденную риторику: «опечаленное и негодующее сердце писателя» скрывается за «строгую форму и деловитость тона» (выражение А.Ф. Кони), а печальные истории детей, стариков и женщин исследуются в их связи с *колониационными соображениями*. Такой подход роднит сочинение А.П. Чехова с традицией статистических описаний ирландской бедности, к которой, по-видимому, может восходить процитированный фрагмент.

В сочинениях о Сибири, ориентированных на англоязычного читателя, подобные сравнения были весьма часты: американец Кеннан отмечал, описывая избы вольной команды на Карийских рудниках, что «лучший из них едва ли выдержит сравнение с беднейшей хижиной ирландского эмигранта-рабочего», [Kennan 1891. Vol. 2: 151]. Это же сравнение находим в описании домика ссыльной Н. Армфельд [Kennan 1891. Vol. 2: 186.]. Писательница О. Новикова, составившая предисловие к книге де Уиндта, изображала с помощью подобной параллели образ жизни русских крестьян: «В нашей стране принято навещать больных и бедных, но исполнение этого долга бывает иногда тягчайшим испытанием. Как тесны и темны их дома! Как скудна их пища! (Единственное в Соединенном Королевстве, что может дать пример такого же состояния — это поражённые бедностью районы Ирландии)» [De Windt 1892: xiii].

Ирландская бедность, связанная с отсталостью сельского хозяйства и слабой вовлеченностью страны в процесс индустриальной революции, ещё задолго до Великого Голода 1840-х годов стала постоянной темой описаний острова. На протяжении всего XIX в. она характеризовалась как *всеобъемлющее состояние, которое было нелегко объяснить или исправить, загадочное и приводящее в уныние*, такое же мрачное, как и сама страна [Peopling... 2007: 251-265; см. Leerssen 1996, Ryle 1999]. Риторика по этому поводу была общим местом ирландского «колониального» дискурса: в самом радикальном варианте бедность объявлялась таким же неотъемлемым «расовым» атрибутом «диких» ирландцев, как их воинственность. Однако для большинства британских авторов она оставалась социальным злом («у меня трясутся руки, когда я пишу об этом» [Strangers... 1994: 262]) и становилась поводом для поиска стратегий, способных избавить наблюдателя от ужаса: поэтому большинство этих авторов стремилось встать на позицию активного участника – аналитика, критика, эксперта или благотворителя. Как и в случае с сочинением А.П. Чехова, эта схема вряд ли подходит для оценки моральных качеств повествователя, но, как представляется, вполне пригодна для того, чтобы определить его положение в расстановке сил. И в ирландском, и в сибирском (российском) случае автор описания оказывался не в силах остаться безучастным наблюдателем скучной жизни периферии пространства, обитателем центра которого он обыкновенно являлся. «Когда вспоминаю, что меня отделяет от мира 10 тысяч верст, мною овладевает апатия. Кажется, что приеду домой через сто лет», – писал А.П. Чехов, находясь на борту парохода в Татарском проливе [Чехов 1975: 134].

Описанный нами феномен образной географии стоит рассмотреть в ряду *других политических метафор*, отражавших видение интеллектуальной элитой места Сибири в миропорядке империалистической эпохи. Так, скажем, наиболее известным подобным сравнением, предназначенным преимущественно для «внутреннего потребления», было представление о Сибири как о «второй Америке», служившее разновидностью психотерапии для интеллектуалов, разочарованных в промежуточных итогах форсированной модернизации [Родигина 2006: 58-59]. Однако сравнение Сибири с Ирландией, как представляется, больше принадлежит традиции иных, *критических* политических сравнений, обозначавших неудачи колонизации. Другой такой метафорой, также довольно часто употреблявшейся, было уподобление сибирской штрафной колонии – Австралии. Всё это, кстати говоря, свидетельствует о необходимости пересмотра традиционных историографических представлений, в соответствии с которыми опыт сибирской колонизации рассматривается вне контекста европейской экспансии Нового времени [Gibson 2002: 181-202].

Литература

- Афанасьев Г.Е. История Ирландии. М.: УРСС, КомКнига, 2006.
- Ешкилев Ю.Б. Ирландская проблематика в русской периодической печати (1825-1850): Автореф. дисс. ... к.и.н. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995.
- Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Т. 1. Западная Сибирь – Тобольская губерния. М.: Изд. общества распространения полезных книг, 1862.
- Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений и писем. М.-Л.: Academia, 1934.
- Рахматуллин Р. Метафизическое краеведение: Выступление Р. Рахматуллина на Семинаре по культурной географии и культурологии 15 февраля 2001 г. // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2004. С. 387-405.
- Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: ОмГУ, 1997.
- Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск: ОмГУ, 2004.
- Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в российской журнальной прессе. Новосибирск: НГПУ, 2006.
- Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Тивоненко Е.В. Русская периодика конца XIX века о проблеме ирландской автономии // Вестник БашГУ. 1999. №2.
- Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты. М.: Тип. «9-е Января», 1923.
- Чехов М.П. Вокруг Чехова: встречи и впечатления. М.: Московский рабочий, 1964.
- Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 14/15. М.: Наука, 1976. С. 39-372.
- Чехов А.П. Письма, январь 1890 – февраль 1892 // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. Т. 4. М.: Наука, 1975.
- Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. №1. С. 265—299.
- Bassin M. Imperial visions. Nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East. N.Y.: CUP, 2004.
- Between heaven and hell: the myth of Siberia in Russian culture / Ed. by G. Diment, Y. Slezkine. N.Y.: St. Martin's Press, 1993.
- Darby H.C. The problem of geographical description // *Transactions and Papers (Institute of British Geographers)*. 1962. №30. P. 1-14.
- De Windt H. Siberia as it is. L.: Chapman & Hall, 1892.
- Eagleton T. Postcolonialism: The case of Ireland // *Multicultural states: Rethinking difference and identity*. / Ed. D. Bennett. N.Y.: Routledge, 1999. P. 128-134.
- Gibson J. Russian imperial expansion in context and by contrast // *Journal of Historical Geography*. 2002. Vol. 2. No. 2. P. 181-202.
- Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques & discoveries of the English nation. Vol. 4. Teddington, 2006.
- Howe S. Ireland and Empire: Colonial legacies in Irish history and culture. Oxford: OUP, 2005.
- Ireland and Siberia // *The New York Times*. 20.05.1890.
- Kennan G. Siberia and the exile system. 2 vols. N.Y.: The Century co, 1891.
- Leerssen J. Remembrance and imagination. Patterns in the historical and literary representation of Ireland in the nineteenth century. Cork: Cork University press, 1996.
- Leerssen J. Irish studies and orientalism: Ireland and the Orient // *Oriental prospects: Western literature and the lure of the East* / Ed. by C.C. Barfoot & Th. D'haen. Amsterdam: Rodopi, 1998. P. 161-174.

- Mangan J.C. James Clarence Mangan: his selected poems. Boston, 1897.
- McCarthy C. Edward Said and Irish criticism // *Éire-Ireland*. 2007. Vol. 42. № 1,2.
- Modern historical geographies / Ed. by B. Graham & C. Nash. Harlow, 2000.
- Mr. Gladstone's visit to Norfolk // *Times*. 19.05.1890.
- Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history / Ed. by B. Breyfogle, A.M. Schrader, W. Sunderland. N.Y.: Routledge, 2007.
- Pratt M.L. *Imperial eyes: Travel writing and transculturation*. L.: Routledge, 1992.
- Ryle M. *Journeys in Ireland: Literary travellers, rural landscapes, cultural relations*. Aldershot, Hampshire, 1999.
- Said E.W. *Orientalism*. New York: Vintage, 1979.
- Strangers to that land: British perceptions of Ireland from the Reformation to the famine* / Ed. by A. Hadfield & J. McVeagh. Gerrards Cross: Colin Smythe, 1994.
- Wright R.L. *Through Siberia: an empire in the making*. L.: Hurst and Blackett, 1913.